

Прошло около недели с тех пор, как Инь Чуань возвращался в район Дунчэн. Внезапно переступив порог сыхэюаня, он неожиданно ощутил себя так, словно минула целая жизнь, и ему не терпелось взглянуть на то самое дерево унаби во внутреннем дворе.

Во дворе царила глубокая тишина, напоминающая руины.

В воздухе кружился лебяжий пух — легче перьев, а тётушка как раз подметала дорожки метлой.

Они переглянулись, но никто не произнес ни слова.

Родители пили чай и читали газету в боковой комнате, обе створки деревянной двери были распахнуты нараспашку, то и дело доносился приглушённый кашель.

Инь Чуань вошёл. Солнце ещё не зашло, и он стоял в дверях против света, из-за чего его силуэт казался расплывчатым и нечётким.

— Инь Чуань, садись.

Отец заговорил первым, глазами указывая ему на стул напротив.

Когда он селся, черты его лица в полумраке стали ещё менее различимы, он словно почти полностью утонул во тьме.

Родители не проявили интереса к его выражению лица и, не ходя вокруг да около, сразу перешли к делу.

Его лицо по-прежнему скрывалось в тени, из-за чего невольно ускользало любое проявление его эмоций, включая едва заметную, многозначительную усмешку в уголках губ.

Он молча держал в руках документы.

— Не скупай подряд все книги, некоторые из них ничего не стоят, даже если купишь — не продашь.

— Ладно, ладно, закончу с этим и отправлю его обратно.

— Хорошо, спасибо.

Всякий раз, когда Инь Чуань искренне стремился сделать что-то хорошо, он выкладывался на все сто процентов.

Словно по наитию, он увязался за Сяо Цзе, проследовав за ним от района Шуньи до автомастерской в Паньцзяюане.

— Что вы, о чём речь, — добродушно отозвался кондитер. — Пользуйтесь всем, чем хотите, если что-то непонятно — спрашивайте, мой номер есть в записной книжке.

— Я знаю, я всё скупаю по составленному вами списку.

В комнате отдыха в перерыв стояла тишина, там находился только он один. Закатав рукава и вымыв руки чистой водой, он неторопливо разложил на столе различные ингредиенты.

Он ничего не говорил, лишь молча наблюдал за Сяо Цзе.

В то же время отец заговорил снова:

— Инь Чуань, мы с твоей мамой отправим тебя в аспирантуру в США. Твои оценки и опыт работы получили одобрение приёмной комиссии, заявка на поступление уже прошла проверку. Как только получишь степень бакалавра, этот вопрос будет решён окончательно.

Отец отложил газету, сделал глоток чая и уважительным тоном произнёс:

— Мы собирались отправить тебя в Штаты ещё когда ты поступал в старшую школу, но твой дедушка хотел, чтобы ты закончил бакалавриату здесь, в стране. Мы с мамой пошли навстречу его воле.

Инь Чуань много дней ломал голову над тем, какой подарок преподнести, и в конце концов решил подарить старшему брату каплю искренности.

Мать достала документ и положила его слева от Инь Чуаня.

Сначала он отделил белки от желтков, а затем влил молоко в желтки и всё перемешал.

В этот момент растерянности он случайно столкнулся с мотоколонной Сяо Цзе: братья весело о чём-то болтали, празднуя победу в уличной гонке. Эта картина — живая, беззаботная и полная удали — напрямую затронула его душу.

Он искренне улыбнулся:

— Не нужно, я ведь не доставил тебе хлопот?

Они немного поболтали о том о сём и повесили трубку.

В обеденный перерыв Инь Чуань заглянул в комнату отдыха компании. Поздоровавшись с коллегами, он решил воспользоваться свободным временем, чтобы испечь черничный торт. Оборудование здесь было превосходным, а за приготовление послеобеденного чая для руководства отвечали два профессиональных кондитера.

В обед сюда почти никто не заглядывал, и Инь Чуань специально выбирал это время, чтобы занять место.

Линь Цжэньи радостно согласился, казалось, он был очень доволен.

— Пару слов тебе скажу, — голос Инь Чуаня прозвучал глуховато и чуть сдавленно, словно он затаил обиду, хотя на самом деле это было недовольство. — Зачем ты потащил с собой четвёртого?

Сяо Цзе, словно зная, что за ним следят, опуская защитные жалюзи автомастерской, вдруг обернулся и бросил в сгустившуюся тьму:

— Выходи.

Родители не стали ждать его ответа, продолжая рассуждать о чём-то своём. Они давно привыкли к беспрекословной покорности Инь Чуаня и, разумеется, считали его бездумной тряпичной куклой; к тому же, мнение самого парня их ничуть не волновало.

Два дня спустя был день рождения Сяо Цзе.

— Пусть возьмет трубку. — Инь Чуань невольно нахмурился, вечно переживая, как бы простодушного четвёртого не обвёл вокруг пальца ушлый и хитрый пятый.

Незаметно его взгляд затуманился, словно в воспоминаниях о сне. Перед ним встала сцена их первой встречи: глубокая ночь, он одиноко бредет по мосту без какой-либо цели, словно потерянная душа, блуждающая в густом и непроглядном мраке.

Только что потерявший дедушку, он неожиданно разглядел надежду в мире нескольких незнакомцев.

Мать перехватила инициативу в разговоре:

— Жильё и опекуна мы уже подобрали, твоя задача — просто усердно учиться.

А вот кто действительно пострадал зря, так это Ци Тянь: отпахав всё утро, он вдобавок выслушивал упрёки.

— Да что я мог сделать, помогал Линь Цжэньи ездить по адресам и скупать подержанные книги, — ворчал Ци Тянь, жалуясь и тяжело отдуваясь, при этом массируя затекшую спину. — С чего они такие тяжёлые? У меня и так поясница болит.

Кондитер проявил любопытство, подошел поближе и не удержался от вопроса:

— Помощник Инь, вам помочь?

Он молча вышел вперед в белой толстовке с капюшоном и с рюкзаком за плечами, выпрямившись и позволяя Сяо Цзе разглядеть себя.

— Чего увязался за мной?

Вскоре голос в трубке сменился на голос Ци Тяня:

— Чего надо, я занят тут.

— Скажи четвёртому, чтобы возвращался домой пораньше.

В свободное от работы утреннее время он выкроил минутку позвонить Линь Цжэньи и наказал тому после шести вечера выгулять собаку и ждать его у входа в жилой комплекс, чтобы вместе пойти поздравить старшего брата с днем рождения.

— Сяо Чуань! Я творю великие дела! — возбужденно и слегка запыхавшись выпалил Линь Цжэньи. — Я тут с Тянь-тянем.

Он достал из сумки яйца и муку, а также чернику, сахарный песок и молоко — главные ингредиенты для торта.

Продукты он принес с собой, целый большой ящик.

Заразившись этой наивной радостью, Инь Чуань с улыбкой спросил:

— Четвёртый, чем это вы заняты?

Услышав это, лица супругов синхронно помрачнели — видимо, они вспомнили, как Инь Чуань за их спиной самостоятельно выбрал Народный университет.

После короткой паузы мать молча протянула Инь Чуаню рекламный буклет американского вуза и с хмурым видом дала последние наставления, велев во всём разобраться как можно скорее.

Глаза у него были редкого тёмно-карего оттенка — прекрасные глаза, способные как отражать сокровенные желания его сердца, так и источать мрачную ненависть.

Тогда он очень долго хранил молчание, глядя на Сяо Цзе тем самым пустым, лишённым фокуса взглядом. Что удивительно, Сяо Цзе тоже не стал нарушать тишину, добровольно простояв рядом с ним добрую половину дня.

Время тянулось так долго, что Инь Чуаню казалось, будто те события всё ещё стоят перед глазами.

Поразмыслив об этом позже, он и сам мог понять странность своего поведения: если бы не то предельное, экстремальное состояние, в котором он тогда находился, при его происхождении и характере он, пожалуй, вряд ли когда-нибудь вообще пересекся бы с компанией Сяо Цзе.

Внезапно в коридоре комнаты отдыха послышались шаги, прервав ход мыслей Инь Чуаня.

Придя в себя, он обнаружил, что уже влил слабую муку прямо в масло и она издаёт характерный шуршащий звук, сливаясь с приближающимися шагами в какой-то особый ритм.

Дверь распахнулась, и на пороге появился человек, появление которого стало для него полной неожиданностью — это оказался Шао Юймин.

— Ты здесь, — произнес Шао Юймин, проходя внутрь и по привычке ослабляя галстук. — Секретарь Сюань сказала, что ты, возможно, спишь после обеда.

Инь Чуань прервал помешивание и тихо произмолвил:

— Директор Шао, если вы считаете, что я делаю что-то неподобающее, я сейчас же всё уберу.

Шао Юймин невольно улыбнулся и небрежно отмахнулся:

— Продолжай, я просто заглянул от нечего делать.

Инь Чуань опустил взгляд и снова принялся месить тесто в миске.

Он стоял по другую сторону барной стойки, отделенный от Шао Юймина массивной мраморной столешницей. Они были примерно одного роста, и стоило поднять голову, как их взгляды тут же пересекались.

Шао Юймин застыл в своей извечной непринужденной позе, засунув руки в карманы брюк, с умиротворенным выражением лица. И впрямь — загляденье: человек перед ним одним своим

присутствием озарял всю комнату, словно находясь в совершенно ином измерении.

Инь Чуань чувствовал, что тот разглядывает его без тени смущения: взгляд скользнул от талии вверх, мимо фартука цвета молочного чая, белой рубашки, едва намеченных линий чётких ключиц и выступающего кадыка.

Сам он оставался к этому равнодушен, усердно работая и помешивая тесто палочками по часовой стрелке. Его неторопливые движения создавали впечатление, будто в этой комнате он находится совсем один.

Взгляд Шао Юймина зафиксировался на его подбородке, где затерялась крошечная точка белой муки, отчего кожа казалась ещё белее.

До чего же нежная у него кожа.

Шао Юймин едва не протянул руку, чтобы смахнуть её, но вовремя сдержался.

Изначально он шёл сюда с легким раздражением, намереваясь немного проучить сотрудника, но при виде нынешнего Инь Чуаня он совершенно растерял весь свой гвардейский пыл и даже слегка пожалел о том, как сурово обошёлся с ним в тот день.

Прекрасные люди и вещи созданы для того, чтобы ими любоваться и лелеять, а не критиковать.

Завершив внутренний самоанализ, Шао Юймин с грохотом придвинул стул и уселся напротив стойки, привычно закинув ногу на ногу.

Раз уж такой крупный начальник лично явился сюда кого-то искать, это явно произошло не от скуки.

Поняв, что у того есть разговор, Инь Чуань поднял на него глаза.

Шао Юймин с любопытством спросил:

— Что это ты делаешь?

— Черничный торт, — ответил Инь Чуань.

Глаза Шао Юймина загорелись неподдельным интересом:

— Для кого?

— Для старшего брата. — Инь Чуань выглядел точь-в-точь как прилежный ученик, готовый ответить на любой вопрос.

— У тебя есть брат?

— Несколько.

— По тебе видно, что ты очень хорошо к ним относишься.

— Потому что мой старший брат очень хорошо ко мне относится.

Шао Юймин сложил руки на груди и задумался, решив в конце концов, что братья, о которых говорит Инь Чуань, вероятно, двоюродные или троюродные:

— Кажется, я слышал, у тебя действительно есть кузен... как же его звали? Если память не изменяет, он занимает пост заместителя прокурора в Тяньцзине.

— Мы говорим не об одном и том же человеке. — Инь Чуань влил заваренное тесто в смесь желтков с молоком, добавил щепотку соли и слегка приподнял веки, бросив взгляд на сидящего напротив Шао Юймина.

В этом взгляде не было ничего особенного — он был донельзя пресным, но Шао Юймин чётко и ясно прочёл в нём послание: «Есть что сказать — говори быстрее и не тяни».

Шао Юймин подавил в себе неприятный осадок, списывая всё на собственную мнительность. Расслабившись и откинувшись на спинку стула, он оперся локоть о подлокотник и, задумчиво потирая подбородок пальцами, небрежно бросил:

— Инь Чуань, а как ты сам оценишь свои успехи на работе за последнее время?

— Безупречно. — Тон Инь Чуаня звучал совершенно естественно и ни капли не выдавал фальши.

Шао Юймин слегка прищурился, и на мгновение на его лице мелькнуло неуловимое выражение:

— Вот как?

— А по мнению руководства? — Инь Чуань перевёл стрелки обратно, в его тоне проскользнули лёгкое недоумение и вызов. — Если вы считаете, что я где-то недорабатываю, укажите на это, я исправлюсь.

И, выждав паузу, вовремя добавил:

— В рамках моего рабочего времени.

— ... — Шао Юймин незаметно для окружающих глубоко вздохнул.

Стоит признать, что на своём посту Инь Чуань выкладывался по полной, обладал высочайшим профессионализмом, а поставленные задачи выполнял блестяще. Придаться здесь было откровенно не к чему.

подавив рвущиеся наружу слова, Шао Юймин вдруг усмехнулся, словно сдаваясь:

— Ты всё делаешь отлично, Инь Чуань. Ты талантлив, и заставляй тебя целыми днями варить кофе — просто транжирить твои способности. Я уже переговорил с генеральным директором Цинем, при удобном случае я отправлю тебя к нему на стажировку, учиться новому никогда не вредно.

Уловив скрытый смысл, Инь Чуань с готовностью кивнул:

— Я подчинюсь решению компании.

— Не спеши, — Шао Юймин перекинул ногу на ногу. — Инь Чуань, если хочешь сделать карьеру в офисе, в той или иной степени придется научиться быть гибче.

— Ох, — бесстрастно отозвался Инь Чуань, продолжая взбивать белки электрическим миксером и попутно отвечая: — Я понимаю. Таким прямолинейным и недалёким людям, как я, вряд ли удастся угодить вашему вкусу.

Шао Юймин невольно приподнял брови:

— Когда это я назвал тебя недалёким?

Инь Чуань поднял голову и улыбнулся. Эта улыбка была какой-то необычной, похожей на еле заметную дымку на горизонте. Вообще, он был из тех людей, кому очень к лицу улыбка.

Поймав этот взгляд, Шао Юймин слегка смутился и усмехнулся:

— С чего тебе вообще в голову пришли такие мысли?

Стерев с лица улыбку и вновь уткнувшись в работу, Инь Чуань тихо произнес в наступившей тишине:

— Возводить высокое должностное положение и социальный статус в ранг высшей мудрости — Разве не так думает большинство?

Услышав это, Шао Юймин невольно замер, а взгляд, которым он окинул парня, неувовимо изменился.

Инь Чуань продолжил спокойным тоном:

— В глазах таких людей кто-то вроде меня — кто не умеет ни заискивать перед начальством, ни работать сверхурочно ради показухи — наверняка кажется глупцом.

Пара сказанных фраз заставила Шао Юймина несколько пересмотреть своё мнение об Инь Чуане.

Поразмыслив секунду, он с улыбкой кивнул:

— А ведь в этом что-то есть. По правде говоря, я и сам порой удивляюсь: с каких это пор уровень эмоционального интеллекта стали измерять баллами при оценке социальной ценности человека? Честно говоря, мне не хочется принимать эти правила игры, но иногда, особенно таким людям как я, когда попадаешь в неприятности, действительно нужен кто-то, кто поможет разобраться с этим кошмаром.

— Выходит... — голос Инь Чуаня был таким тихим, будто он говорил сам с собой, — мы с вами не на одной дороге.

— Что ты сказал? — Шао Юймин инстинктивно подался вперед: ему очень хотелось расслышать сказанные слова, подсознательно он чувствовал их важность.

Однако Инь Чуань не стал повторять, лишь легко улыбнулся:

— Ничего. У вас есть ещё какие-то вопросы?

Шао Юймин недовольно скривил губы:

— Нет. Посижу здесь, посмотрю, как ты печешь торт.

— Как пожелаете, — не поднимая головы, бросил Инь Чуань.

Всё, что следовало сказать, было сказано, и Шао Юймин должен был уйти, но он не двинулся с места.

Он остался стоять, зачарованно наблюдая за тем, как Инь Чуань готовит десерт.

Он и сам не мог толком объяснить, почему решил остаться. Он просто испытывал удивительное умиротворение — давно забытое чувство расслабленности и душевного комфорта наполнило его изнутри. Он наблюдал за Инь Чуанем, как за ожившим миражом, не упуская ни единой мелкой детали. То, что предстало перед его глазами, растопило бы сердце даже небожителя.

Это было сродни стихотворению, ожившей масляной картине, в которую Шао Юймин погрузился с головой, незаметно даже для самого себя начиная завидовать старшему брату, о котором упоминал Инь Чуань.

Что за чувства заставили эти изящные тонкие пальцы измазаться в муке, надеть громоздкие, несоразмерные рукавицы и то и дело заглядывать в раскаленную духовку? Раньше он думал, что Инь Чуань — абсолютно бесчувственный и равнодушный ко всему человек.

Шао Юймин неотрывно смотрел на эти руки, почему-то вспомнив руки Мастера Маленького Фиолетового — такие же красивые, такие же прохладные и исполненные эстетики.

При мысли об этом таинственном мотогогонщике сердце Шао Юймина невольно затрепетало, грудь окатило приятным покалыванием, и от переполнявшего его возбуждения он не удержался и выпалил:

— Умеешь водить мотоцикл?

Инь Чуань приподнял веки и бросил на него странный, полный невысказанного смысла взгляд.

<http://bllate.org/book/18662/1799477>